

*Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой*

Мария
Метлицкая

Кровь не вода

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Метлицкая, Мария.

М54 Кровь не вода / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-210899-0

До какого предела можно идти на жертвы ради близких? Как, живя ради других, не потерять себя? Или жертвенность на то и жертвенность, чтобы отдавать без остатка? Вопросы эти каждый решает для себя.

Для Эллы такой вопрос и не стоял — она, кажется, родилась для того, чтобы служить близким. А вот Эмма, ее сестра, всегда считала, что никому ничего не должна. Жила взахлеб, не оглядываясь, всегда зная, что есть Элла — безответная, верная, покорная. На которую можно положиться, которая всегда подставит плечо.

И кто в итоге счастлив? Тот, кто брал, или тот, кто отдавал? Тот, кому есть что вспомнить, или тот, кто в жизни так ничего и не увидел? Неужели чистая совесть и верность родственным узам стоят жизни, которой, по сути, и не было?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210899-0

© Метлицкая М., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Кровь не вода

Все сложилось удачно — просто на редкость. Два родных брата, Семен и Илья, родившиеся один за другим с разницей в полтора года, с первых дней жизни были неразлейвода. Ссор не было, скандалов и разборок — тем более. Родители не могли нарадоваться на своих дружных мальчишек: игрушки не делят, друг другу всегда уступают, стоят друг за дружку горой и каждый готов взять вину брата на себя. Жили скудно, как, впрочем, почти вся страна. Отец — инженер на заводе, мать — учительница труда в школе. Обычные люди, рядовая семья. И внешне вполне заурядные. В кого получились красавцы мальчишки? Загадка природы. Рослые, широкоплечие, темноглазые и черноволосые — загляденье и гордость родителей. Учились тоже вполне сносно — правда, старший, Семен, был стопроцентным гуманитарием, а младший, Илья, — технарем.

Женились рано и тоже почти одновременно — даже просто смешно! Как нарочно, говорила мать Раиса Матвеевна. На втором курсе

МАИ Илья привел в дом милую девочку, свою однокурсницу Галочку. Скромная Галочка по вкусу пришлась абсолютно всем — даже Семен, слегка огорченный этим известием (ревность, конечно, а что же еще?), от Галочки был в полном восторге.

Она и вправду была очень милой — тихой, воспитанной, скромной и, главное, сразу, с первой минуты, искренне полюбила родителей мужа, признав за свекровью непререкаемый авторитет и хозяйку.

Разместились так — в «задней» комнате, бывшей прежде родительской спальней, сделали «молодежный альков» — так острил новоиспеченный муж. Галочка при этом сильно краснела. А в большой, проходной, где раньше спали братья, теперь проживали мать с отцом и Семен.

Ничего, никто не ворчал — народ тогда был не так избалован, да и две комнаты в большой коммуналке на Петровских линиях, в самом центре, — разве так плохо?

А месяцев через семь в родительский дом явился Семен, держа за руку симпатичную высокую голубоглазую девушку, и представил ее своей невестой.

Девушку звали Наташей, но очень скоро она превратилась в Тусю и осталась ею навеки.

Квартирный вопрос стал острее — как разбираться, чтоб без обид? Девушки были без пло-

щадя — Галочка из подмосковного Серпухова, а Наташенька, Туся, вообще из Свердловска.

За семейным ужином было принято мудрое и справедливое решение — в «алькове» спать по очереди. Два через два. Молодые смутились — самую малость, все посмеялись и на этом тему закрыли.

Туся и Галя сдружились сразу и навсегда. Единственное, что омрачало их дружбу, была небольшая, ну, самую малость, скрытая, невидимая борьба, нет, скорее соревнование, за любовь свекрови. Но та, умница, невесток не разделяла — хвалила обеих, подарки покупала равнозначные — Галочке синюю кофточку, Тусеньке — красную. И поровну говорила ласковые слова.

И любила их одинаково, потому что девочки были чудесные — так она с гордостью рассказывала про них знакомым и родственникам: «Как нам повезло!» И вправду повезло.

Альковные пересменки не заставили долго ждать последствий, и через несколько месяцев — так же дружно, как жили, — невестки объявили о своих беременностях.

С разницей в три месяца родились девочки, двоюродные сестры. Похожие на отцов и друг на друга, ну прямо сестры родные. Эмма и Элла.

Разумеется, жизнь стала труднее и суматошней: молодые мамы — студентки. Папаши —

туда же. Места стало меньше, а шума, наоборот, больше. Младенцы исправно орали. Особенно старшая, Эмма. Дочь Ильи и Галины.

Но скандалов по-прежнему не было — воспитывать девочек стали дружно, подменяя друг друга, по очереди бегали на молочную кухню и выгуливали дочек на улице — никто в спор не вступал, все честно делили обязанности, не разделяя, кто брат, а кто сват.

Бабушка девочек работу, конечно, бросила и пришла на подмогу. Девочки жили так же дружно, как и их молодые родители, — просто не могли жить друг без друга. Только... Ссорились иногда — вернее, чем-то бывала недовольна строптивая Эмма. Но младшая, Элла, всегда уступала, и ссора заканчивалась, едва начавшись.

А спустя пять лет стали расселять коммуналку и давать квартиры. Это была и огромная радость, и большое расстройство — никто из них не представлял, как будут жить друг без друга.

Уехали в Новые Черемушки, тогда еще почти загород. Квартиры дали в соседних домах — однокомнатную родителям в доме напротив и по двухкомнатной молодым. В одном подъезде. Второй и третий этаж. Друг над другом.

Нет, это, конечно же, все-таки огромное счастье — и это счастье все ощутили почти моментально, в первый же день.

Было просторно, тихо и, главное, — все свое! И кухня, и ванная, и туалет. И спальня, конечно.

Бегали друг к другу в гости раз по пять на день — посмотреть, какую кушетку купили Илья с Галочкой. А польский журнальный столик и кресла на дистрофичных ногах достали Семен и Туся. А мама Рая (так звали свекровь обе невестки) напекла пирогов — и тут же все дружно бежали к родителям.

До смешного — квартиры, точнее, обстановка в квартирах, были почти одинаковые. Разумеется, дело тут было и в скудном ассортименте — поди достань что-нибудь эдакое!

И все же — занавески, не стовариваясь, купили одного тона. Кухонный гарнитур — тоже. А когда сошлись, как братья, сервизы — тут всем стало смешно.

Зайдя к брату, шутник Илья начинал растерянно оглядываться по сторонам.

— Я, братцы, вроде бы дома? А тогда почему Туська на кухне?

Девочки, конечно же, гуляли в одном дворе, играли попеременно в обеих квартирах — но Эмма любила больше «ходить в гости» к сестре — там интереснее и игрушки чужие! Свои она немного жалела. И в садик отправились вместе. Жизнь совсем наладилась, все были рядом и почти вместе, но у каждого был свой угол, и стало больше покоя. А так — да все оста-

валось почти на местах: все любили друг друга по-прежнему и всегда приходили на помощь. По первому зову.

В семьях царили лад и любовь. Родители старели, сыновья мужали, а внуки росли. И ничто не омрачало жизни — ничто серьезное и, не приведи господи, страшное.

Потом старики вышли на пенсию, стали прибалывать, а дружные снохи по очереди забегали прибраться, принести продукты и приготовить обед.

Приобщали девчонок — отнести бабуле с дедулей молока или хлеба, свежую газету или еще теплый яблочный пирог.

Элла бежала тут же, а Эмма начинала капризничать:

— Пусть идет Эллка. Ей ближе на целый этаж!

Братья трудились, понемногу поднимались по служебной лестнице, копили на автомобили и отпуска, в которые, разумеется, тоже ездили вместе.

Невестки все так же были дружны, да не просто дружны, а куда глубже и больше — считали друг друга сестрами. Конечно, родными. И правда, куда уж родней?

Эмма и Элла, проснувшись, начинали перестукиваться по батарее — у них даже был свой «язык», азбука Морзе: два стука коротких —

быстро позавтракать и ко мне! Три: есть дела, и встретимся позже, к обеду. Ну а четыре: ох, все отменяется — например, едем в Серпухов к бабушке (Эмма) или на вокзал встречать свердловский утренний — передача от Тусиной мамы.

Разлуку — даже короткую — переживали.

Ну, и кто-то поспорит, что все сложилось удачно? Какие прекрасные семьи! Точнее, семья.

Семен получил дачный участок, и дачу строили вместе, общими силами, ни минуты не думая о том, что владельцем участка и дома являются старшие дети — как по-прежнему называли их старики.

Отпуск в то лето был отменен — все средства вкладывались в строительство дома. Жены не роптали и не канючили — понимали, что девочки будут на воздухе. Да и старики, разумеется, тоже.

Мечтали о походах в лес и на речку, о шашлыках и песнях под гитару, о яблоках из собственного сада и самоваре по вечерам — обычные мечты горожанина, возводящего свой нехитрый и милый дом. Дачу. Как жить в Москве и ее не иметь? Невозможно — умные люди уже понимали.

Так все и было в дальнейшем — дом наконец закончили. Сад посадили. И привезли девочек с бабушкой и дедушкой, вместе. Три комнатки внизу, на первом этаже — «девчачья» и родительская, общая, типа столовой-гостиной, и две ма-

люсенькие спальни на втором этаже — метров по шесть. Галка с Ильей и Семен с Тусей. Все одинаково, и всем поровну.

Девочки, Эмма и Элла, дачную жизнь обо- жали — купание в речке, велосипеды, костры. И, разумеется, компании. Мальчики.

Никто ни разу не задал вопроса — родные ли сестры Эмма и Элла? Это было так очевид- но, что и в голову бы не пришло усомниться. Они и вправду так были похожи между собой, что и сомнений не возникало — конечно, род- ные!

Худенькие, мелкие (в бабушку, в бабушку), узенькие, остролицые, черноглазые и буйно-куд- рявые, точно из одного инкубатора, как шутили родители.

Дружили они по-прежнему, так плотно, так крепко, что жизнь друг без друга было сложно представить. Один сад, одна школа, одни кани- кулы на двоих. Одни бабушка с дедушкой.

Вот только характеры разные. Эмма, дочь Ильи и Галины, была явным лидером и заводилой. А Элла, сестра, подчинялась беспреко- словно и, кажется, была из тех, кто получает от этого удовольствие.

Эмма, конечно, была побойчее во всем и порешительнее. Она с удовольствием руко- водила любыми процессами — будь то игра или детские шкоды. Кстати, не всегда безобид-

ные. Так, однажды, девочкам было лет восемь, Эмма предложила сестре «подушиться бабулиными духами». Духи с большой осторожностью были изъяты из бабулиной комнаты и, разумеется, оприходованы. Сестры поднялись на чердак и там открыли украденный флакончик. Не беда, что пузырек с драгоценной влагой упал и разбился, беда была в том, что у Эллы открылся жестокий приступ удушья — с той поры она и вошла в когорту отчаянных аллергиков.

Эмма испугалась, увидев, как сестра синееет, хватая ртом воздух и падает без сознания.

Пару минут она раздумывала, распахнув окно и спустив с несчастной бретельки от сарафана, но ничего не изменилось — Элле становилось все хуже, она отчаянно хрипела и пыталась звать о помощи.

Эмма подхватила ее под мышки и стащила по лестнице вниз практически волоком — на большее сил не хватило.

Наконец обезумевшая от страха Эмма бросилась к взрослым. На счастье, в доме был димедрол, и Илья влил девочке ампулу в рот. Вызвали «Скорую», и, слава богу, тогда пронесло.

На чердак, где и были разлиты духи, взрослые не поднимались и продолжали пытаться девочек, что они съели или понюхали.

«Нам надо знать причину приступа! — зывали родители. — Что вы скрываете? Пой-

мите, важно лишь то, что явилось причиной удушья!»

Было обещано, что ругать их не будут — ни-ни! Что поймут, что произошло все случайно и виноватых нет. Но сестры молчали. Молчала Эмма, опустив голову, и молчала несчастная Элла, поймав строгий, предупреждающий взгляд сестры: мы молчим, поняла? Смотри!

Увещевания, просьбы, требования и угрозы не помогли — девочки так же молчали.

Их уложили спать и собрали семейный совет. Что делать? Как узнать причину и почему они так боятся открыться?

Наутро они снова молчали, как партизанки перед врагами. И было принято решение сестер наказать. Что это значило в условиях дачи? Да многое! Речка и лес — под запретом. Вечерние костры на просеке тоже. Велосипеды — туда же. Даже любимые книги запрещены. Не говоря уже о телевизоре и кино в старом клубе. Разрешалось — только учебники, прополка клубники и помощь родителям по хозяйству. Все.

На какой срок? «Да пока вы не расколаетесь», — объявил суровый Семен, невзирая на мольбы женщин и отца, дедушки, сидящего с валидолом.

А они молча выслушали суровый приговор, и Эмма кивнула:

— С чего начинать?

— В смысле? — не понял дядька.

— С прополки или со стирки носков?

Взрослые переглянулись, тяжело вздохнув, и разбрелись по делам.

Обнаружилось все через пару дней, когда Галочка поднялась за чем-то на пресловутый чердак.

Запах там стоял еще крепкий, и она сразу все поняла.

Теперь девиц терзали вопросами: «Почему украли? Почему побоялись сказать?»

С Эммой долго беседовали родители — по очереди и вместе. Объясняли, что жизнь любимой сестры была под угрозой. Пытались понять, почему, почему они боялись открыться? Разве их били когда-нибудь? Разве сурово наказывали? Откуда эта ложь и этот страх?

— Страшно не то, что вы смогли украсть. Хотя это тоже ужасно. Страшно то, что твоя сестра могла умереть. Ты меня слышишь? — пытался достучаться до дочери Илья.

Эмма стояла молча и разглядывала свои сандалеты.

Наконец отец не выдержал, подошел к дочери и сильно встряхнул ее за плечи.

Она подняла на него лицо, посмотрела внимательно, с интересом и вовсе без страха и тихо произнесла:

— Попробуй только ударь!

Отец вздрогнул, мать заплакала, а Эмма вздохнула и вышла за дверь.

А вот родители Эллы впервые задумались. Точнее, перепуганная мать накручивала растерянного отца, справедливо обвиняя во всем племянницу.

Он молчал, а потом рявкнул:

— Да хватит! Я понял. Только ты не поняла, что *она* мне такая же дочь, как и Элла!

— Я понимаю! — шепотом, оглянувшись, словно боясь, что их услышат, ответила Туся. — Только... Только теперь я ее боюсь. Понимаешь? Не знаю, что можно от нее дальше ждать!

Расстроенный муж махнул рукой и вышел на крыльцо покурить.

Именно с того дня, хотя, казалось бы, все скоро было забыто, отношения между братьями и их женами изменились.

Был еще случай — девочки подобрали одноглазого бездомного котенка, плешивого и блохастого. Взять в дом котенка не разрешили — конечно же, в частности, из-за того, что пушистые животные были противопоказаны Элле.

Котенка было велено немедленно отнести обратно и категорически про него забыть.

Эмма ослушалась — котенка они пристроили к соседке, сердобольной бабуле, и бегали его мыть, чесать и кормить. Кончилось все блохами — и это, слава богу, была самая мелкая из возможных неприятностей.

Когда открылась и эта ложь, снова поднялся скандал. «Опять вранье и непослушание! Опять

риск для здоровья Эллы! Как ты могла?» — все дружно орали на Эмму, а она, подняв свои невинные глаза, успела промолвить:

— А что, я одна? Я одна туда ходила и мыла его?

Тут к ней подлетел дядька и дал ей затрещину.

Отец негодницы побледнел, а мать закричала:

— Не трогай ребенка!

Братья и их жены не разговаривали неделю. Между собой беседы сводились к тому, что надо разъехаться, потому что... Ну, все понятно!

Родители Эммы оправдывали ее, повторяя ее же слова: «А что, Элла совсем без мозгов?»

А родители Эллы уже стали прямо-таки бояться племянницы — с такой, как она... Словом, да все, что угодно!

Но лето подошло к концу, а до следующего было так далеко, что про разъезд думать пока не хотелось.

С дачи в тот год уезжали смурные, сконфуженные, потерянные. Все понимали, что их рай, их семейный очаг почти безвозвратно разрушен. И прошлых отношений, скорее всего, не вернуть.

А девочки по-прежнему дружили, ходили в один класс и вместе делали уроки — теперь было принято решение, что заниматься они будут у бабушки.

Элла школу не то чтобы любила — нет. Но уважала. Учителей, авторов учебников, класс-

ные часы и общественные задания. А Эмма — да ясно и так! Учителей критиковала, в учебниках быстро отыскивала казусы и ошибки, с классных часов сбегала, а общественные поручения игнорировала.

Была еще одна неприятная история в школе — группка отчаянных троечников и прикnuвшая к ним парочка заядлых двоечников и отставал решили уничтожить классный журнал. Почему-то в эту историю оказалась втянута Эмма. Почему-то именно она вызвалась вынести пресловутый журнал из здания школы.

Журнал она вынесла легко, а вот где спрятать — вопрос. Элла была не в курсе этой гнусной истории. Легкомысленная Эмма сунула журнал под кровать. Заметьте — под Эллину кровать, не под свою! Не специально, ни в коем случае. Просто пришла после школы к Элке — тетка в тот день напекла пирожков, ну, и сунула журнал под кровать. А потом про него и забыла.

Вечером Туся взялась подметать — тут-то пропажа и обнаружилась. Дома был страшный скандал — бедную Эллу пытали родители. Но при виде ее отчаяния и искренних слез до отца наконец дошло.

— А Эмма у нас сегодня была? — нахмутив лоб, спросил он.

Жена и дочь уставились на него.

— Да, а что? — спросила жена.

— А при чем тут Эмма? — удивилась Элла.

Мать и отец в одну и ту же секунду с тяжелым вздохом посмотрели на дочь и абсолютно синхронно pokrутили указательными пальцами у виска.

— Да-а-а! — протянул Семен. — Ну ты, дочь моя... Просто нет слов!

А в восемь утра, несмотря на слезы и крики дочери, Семен, взяв под мышку журнал, отправился в школу. Прямо к директору — строгой и очень принципиальной Маргарите Петровне.

Элла взбежала на третий этаж.

— Эмка, спасайся! Они все узнали, и отец пошел в школу!

Эмма дрогнула, быстро кинула вещи в рюкзак и у двери обернулась:

— Я... спрячусь пока. Ну, пока все не утихнет.

Махнула рукой и быстро сбежала по лестнице.

— Где спрячешься? — выкрикнула сестра.

Но вопрос остался без ответа.

Дело раздули огромное — директриса орала, что Эмма будет отчислена. Потому что всем надоела!

Илья и Семен стояли в ее кабинете и предлагали все — ремонт в школе на общественных началах. Покупку кинопроектора в кабинет биологии. Новые шторы на первый этаж.

Директриса качала головой и молчала — видимо, прикидывала.

Потом вздохнула.

— Я знаю, у вас очень приличные семьи. Мне даже вас жаль. Но! Вы должны понимать, что совершено преступление. Украден серьезный документ. Украден с целью сожжения. Что делать мне? Подскажите. Я же должна на это *отреагировать!*

Тут в кабинет ворвались рыдающие мамыши, и сердце Железной Марго не выдержало...

А вот Эмма пропала. Искали ее с милицией. Нашли к вечеру следующего дня — наконец кто-то сообразил поехать на дачу. Ворвались в дом, где Эмма безмятежно и крепко спала.

Была прощена, разумеется, — ребенок жив и здоров! А все остальное...

Только поздно вечером, перед сном, отец зашел к Элле.

— Ну, — спросил он, — ты хоть что-нибудь поняла?

Дочь отвернулась к стене.

— Зачем ты пошел в школу, папа? Зачем ты все обнародовал? Я ведь, — тут она всхлипнула, — я ведь могла его пронести обратно! Аккуратно! И положить в ящик стола. А ты? Ты все испортил!

Семен тяжело вздохнул и погладил ее по голове.